

Новый Эйнштейн

Мой сосед по лестничной клетке — Геннадий Михайлович Эпштейн — личность невероятно забавная. Небольшого роста, лет за шестьдесят, пенсионер, седой, усатый, патлатый и вечно нечесанный. Он еще и трубку курил. Одним словом, у человека, скорей всего, была маничка раздвоения личности: уж больно откровенно он косил под Альберта Эйнштейна, да к тому же увлекался физикой. Я привык делить его заявления на двадцать, но он рассказывал, как его обошли завистники, отняли кафедру, лабораторию и не дали защитить докторскую. Зная его причуды и закидоны, я не уверен даже, занимался ли он физикой после школы вообще, не говоря о какой-то мифической докторской. Но, чтобы его не обидеть, я ему вежливо поддакивал, потому что человек он был тихий и незлобивый и всегда кормил мою кошку Катю, если мне доводилось уезжать на пару дней. Было страшно неудобно, но чего греха таить, я иногда стрелял у него на сигареты, когда эти гады затягивали с зарплатой. Естественно, я всегда отдавал "с процентами", типа сходить в магазин, починить кран, в таком духе. А он мне каждый раз советовал переходить на трубку. Я догадываюсь, почему: как-то заметил у него на подоконнике тарелку с "бычками" самых разных сортов. Но самое ужасное — было слушать его теории и его "выдающиеся открытия", которых не поняли "проклятые ретрограды" — у меня просто начинали ныть зубы, тем более что я в квантовой механике — ни в зуб ногой.

И вот как-то вечером после работы я поднимаюсь к себе, а он уже меня выловил:

— Володя, вы не зайдете? Замерзли, наверно? Чайку попьем.

— Спасибо, — говорю, — с удовольствием, отчего бы нет. (Я бы сейчас — водочки, с мороза, а не чаю... Главное, чтоб он не начал мне шлифовать уши про физику.) Только вот снег стряхну.

Я шагнул в его квартиру, где всегда по вечерам царил полумрак. Не то чтобы старик сильно экономил на свете — ему нравился приглушенный свет, а меня он немного раздражал. На стене у дивана в бронзовой рамке висела знаменитая фотография Эйнштейна — та самая, с высунутым языком. Как будто это помогало Геннадий Михальчу входить в образ. Сходство было.

— Вам с лимоном, Володя? Ах, да, помню. Крепкий, и одна ложка сахара... Но пока он немного остынет, я хочу предложить вам немножко водочки выпить, и представьте себе, есть за что.

Я был приятно удивлен, потому что раньше он никогда не предлагал ничего такого. А я-таки замерз, как цуц. Старик достал в буфете бутылку из-под "Немирова", но со свернутой крышкой, из чего глаз специалиста сразу сделал вывод, что водка — "левая", но пить все равно можно.

— Выпьем за науку и тех, кто ею движет!

— Однозначно. Присоединяюсь, — кивнул я.

Мы хряпнули по сотке, и Михалыча понесло: сбьлись мои худшие опасения — про квантовую механику. На трезвую голову я этого не перевариваю, и поэтому мы вспомнили золотое правило: "Между двадцать седьмой и двадцать восьмой перерывчик — небольшой". Дальше я воспринимал уже спокойнее, и местами даже было интересно — Михалыч умел популярно объяснить. Короче говоря, я "фишку схавал". Всю эту "маму" можно прикинуть следующим образом:

Что такое материя — никто не втыкает. Может быть, вещество и энергия — это вообще одно и то же. Альберт даже почти поставил знак равенства между массой и энергией. Вместо двух законов сохранения он предлагал один — сохранения энергии-массы. Свет и электричество состоят из мельчайших далее не делимых шматочков — квантов. Если бы мы могли извлечь энергию ядра, то жменьки этих квантов хватило бы — до фи́га и еще больше. Фотон — это, типа, квант света, но у него еще и волновая природа. Длина волны позволяет делать спектральный анализ. Короче, каждый на своей волне.

Эйнштейн предложил использовать ось времени как четвертую координату пространственно-временного континуума. Говоря человеческим языком, это та байда, в которой все мы существуем. Вы когда-нибудь видели раскадровки спортивных фотосъемок? Это когда на одном кадре, например, показаны все фазы прыжка и т. п. Так вот, Бог видит всю эту тусню, в смысле, Вселенную, именно таким образом. Потому что времени для него не существует. Кстати, жена мне говорила так же точно, когда я втыкал за компьютером до утра: "Для тебя времени не существует". Значит, я почти бог. Но суть не в этом. Тут мы подходим к гениальному открытию Михалыча: оказывается, время дискретно, то есть состоит из маленьких кусочков, а это и есть кванты времени. Мне это, честно говоря, по фиг, но тут есть одна интересная фишка: оказывается, в промежутках между квантами времени его, времени, как бы нет. И это вся Вселенная: она как бы, то есть, то ее нет. Михалыч назвал свою модель "Мерцающей Вселенной". Дальше — вообще, гайки: Михалыч вычислил величину кванта времени. Суть в том, что время само по себе связано с происходящими в нем

событиями, а его количество говорит о продолжительности. "Длитель" — значит, указывать длину. То есть, и тут человек подразумевает пространственную категорию, а стало быть, четвертая координата — это вполне оправдано. Но есть такая предельно малая величина времени, за которое ничто не может произойти. Просто не успевает. А значит, раз нет событий — мир замер и провалился в небытие. Какой-то греческий философ, Парменид, кажется, говорил, что "есть бытие, а небытия нет". Так вот, оказывается, оно есть. Но не везде сразу, а вразброс. Отсюда и "мерцающая Вселенная".

Атом состоит из тяжелого ядра — нейтроны, там, протоны, — и электронных орбит, а точнее, облаков. У электронов есть энергетические уровни, и они только и делают, что тусуются туда-сюда. Массы покоя у электрона нет ни фига, в отличие от заряда. У протона масса есть и заряд тоже, но положительный, а у бедных нейтронов заряда — хрен, знай себе, давит массу. Так вот, перехожу к главному: когда электрон перескакивает с одного уровня на другой, о нем вообще фиг чего можно узнать. Вот, просто, был там, стал тут. И время тут вообще не при делах. А почему так происходит? Потому что наблюдается разрыв между квантами времени, или, другими словами, проходит отрицательный квант времени, то есть, обратный временной поток.

Дальше: электроны движутся со скоростью света, c , или 300 000 км в секунду. Диаметр атома и размер электронных облаков примерно можно вычислить — ноль целых, фиг тысячных ангстрема. Если известны скорость и расстояние, то можно вычислить и время пути. Таким макаром Михалыч вычислил квант времени — что-то около $0,31 \cdot 10^{-10}$. Другими словами, три на десять, в хрен его знает какой, отрицательной степени миллисекунды. Меньше этого временных промежутков быть не может, потому что этого не может быть никогда.

Потом Михалыч допёр-таки, что можно оседлать и этот обратный временной поток, за счет отрицательных квантов времени. И это совсем не значит, что материя при этом должна превратиться в антиматерию, а электрон, скажем, в позитрон. Это совсем как электронно-дырочная проводимость: совершенно неважно, как считать, движется ли вперед отрицательный заряд, или положительный заряд движется назад. Это уже — как договориться. Ток течет.

— А вы понимаете, Володя, что это практически значит? — разошелся Михалыч, размахивая руками, так что едва не задел меня по носу.

— Даже близко себе не представляю, — потупился я.

— Это значит, мой дорогой, что теоретически можно попасть в про-

шлое. Я это точно знаю. В будущее — к сожалению, вряд ли, потому что структура континуума, лежащего за ноль-пространством, нам совершенно неизвестна, а скорость света является не только практическим, но и теоретическим пределом. И вот, когда я продвинулся в лабораторных исследованиях, эти тупицы решили, что я могу кой-кому перейти дорогу. Они внушили ректору, что я его подсиживаю, и меня съели. Но кое-что я все-таки успел. Интересно, как вытянутся их гнусные рожи, когда в Стокгольме мне вручат Нобелевскую премию по физике!

Михалыч залпом выпил свой остывший чай и вышел на кухню, подкипятить воды. Я огляделся в полумраке комнаты и заметил, что возле дивана, по обеим сторонам, накрытые газетами, стояли груды каких-то агрегатов. Несчастный человек! А ведь когда-то была светлая голова...

На следующей неделе Михалыч забежал ко мне днем. Было воскресенье, и я надеялся отоспаться за все время, но этот гад мне не дал. Вломился, как на пожар, возбужден до предела. Глаза сверкают, бегают, самый раз карету вызывать:

— Володя! Я, кажется, все понял! У меня получилось! Зайдите ко мне, сейчас же!

Я мысленно, из чистой вежливости, укрыл его семиэтажным. Потом нашел свои тапочки и поплелся за ним через холодную лестничную площадку, вовремя догадавшись прихватить с собой ключи. Я б ему дал эту Нобелевскую премию, чтоб он только отстал. Но Михалыч (Федор Михалыч!) затащил меня в комнату, где стояли расчехленные аппараты, нацеленные стволами на столик, где стояла клетка с белой мышью — любимицей моего чокнутого соседа.

— Вы видите! Вы понимаете, что это значит? — торжествовал он.

Я ровным счетом ни черта не понимал. Мышь как мышь. Это надо было меня ставить на уши...

— Вы видите эти капочки? Эти серые пятнышки у нее? — не унимался гений.

— Ну и что особенного? Обгадилась где-то. Что-то я не догоняю... Гиперболоиды какие-то...

— Вы ничего не понимаете! Это установка, правда, только на шесть киловатт, но она работает! У меня два раза пробки выбило... Это уже не та мышь! Это — она же, но несколько поколений назад! Вот эти самые капочки — свидетельство того, что в обратном временном потоке она прошла на несколько поколений назад, проходя эволюцию своей породы обратно. Ее

гены перестроились, реконструируя ее предков. А самое главное — глаза! Они почернели! Исчез ген альбиносов, который селекционным путем укрепляли много лет, выводя эту белую мышь. Эта мышь — из прошлого! Причем, заметьте, на путешествие длиной во много лет ей понадобилось полминуты. Значит, в обратном токе времени его скорость в тысячи, в миллионы раз больше! Это же сенсация! Я рассчитал удельную плотность тела — у всех позвоночных она примерно равна плотности воды, а потом настроил частоту излучения...

Я сослался на головную боль, простуду, сухо поздравил Михалыча — известно с чем и ушел досыпать.

Потом у нас отключилось центральное отопление: где-то лопнула или замерзла труба. Через пару часов подъехала аварийка, экскаватор стал рыть мерзлую землю у меня под окнами, работяги что-то там варили электросваркой, так что на стенах плясали синие зайчики. А потом по всему дому отрубился свет. Вот гадство! Ни света, ни воды. Ни кофе попить, ни помыться. Компьютер не включишь — тоска! Было еще светло, но я щелкнул выключателем люстры — так хоть буду знать, когда эти коммунисты с демократами изволят дать свет народу. Слышно было, как через стенку Михалыч клеймит "страну идиотов" и все наши порядки. Он, видите ли, уже запустил опять свою шарманку, он уже все подключил, а они, сволочи, свет отрубили. Лег я в тот вечер рано, потому что выспаться мне не дали, а сидеть в темноте одному — дело нудное.

Утром я понял, что свет уже дали: ярко горела люстра под потолком. Я его потушил, потому что на улице было уже светло, включил компьютер, поставил кофе и даже перезвонил на работу: не слишком ли я там нужен срочно, или мне можно денек поболеть. Шеф сказал, что я как всегда, прикидываюсь шлангом, но, черт с тобой, болей себе на здоровье. Я поблагодарил, он послал меня в задницу, и я повесил трубку. А еще говорят, понедельник — день тяжелый! Обожаю не ходить на работу, просто прусь от этого. Простуда как-то сама по себе сразу прошла: какой же смысл болеть в свое личное свободное время? Это, кстати, главное богатство общества. Я его использовал не зря: позвонил подругам, поболтал немного, кофе попил, покурил, поубивал немало ботов в "Квейке", сходил в туалет не спеша, покушал, послушал "Кинг Кримсон", короче, с толком провел время.

Потом меня стал преследовать какой-то противный запах: пахло чем-

то горелым, вроде изоляции. Я походил по квартире. У дверей пахло сильней. Тогда я вышел на площадку и слышу — у Михалыча изнутри кто-то шкрябается в дверь. А вонизм — бэ-э! Собаку он, что ли, завел на старости лет? Я звоню ему в дверь — ноль эмоций, только шкрябается сильней. Я, думаю, а если он ушел и животину оставил, а у него там что-то замкнуло — это ж пожар может быть! Слава богу, у меня были ключи от его хаты, а у него от моей. Иногда он мне Катю кормил, а я, если надо, ему цветы поливал, ну и эту, Мышильду его белую, тоже. Я дверь отпираю и говорю грозно: "А ну, Бобик, кыш на место!". Забегаю в переднюю, а там дымина! Я к счетчику — пробки давно сгорели вместе с "жуками", и даже щит пластмассовый, что под счетчиком, поплавился. Я форточку на лестницу распахнул, чтобы вонь выветрить, и иду в комнату.

От неожиданности я даже громко матюгнулся:

Михалыча нигде не было, но посреди комнаты стоял на задних лапах молодой интеллигентного вида игуанодон. Динозаврик такой, травоядный. Небольшой такой, метра полтора в холке. Смотрит на меня умными глазами, почти как милиционер. Вот тебе и "Парк юрского периода"! Смотрю, а он уже и рождественник схавал, скотина такая, лимонное дерево обглодал, ненасытная утроба, и к кактусам стал подбираться, травоядная твоя, в душу, в бога, тварюка! А я эти цветочки поливал! Ка-ак дам ща!

Стал я соображать: как же это получилось? Два "гиперболоида", или как их там, излучатели временных потоков, стояли, нацеленные на диван. Диван был пуст. И тут я допёр: Михалыч вчера возился с опытами своими, а тут отрубился свет. Потом его, наверное, тоже сморило, и он прикорнул на диване, а шарманку свою из сети забыл выключить. Ночью дали свет, и вся эта история с излучателями включилась да прямиком на Михалыча. А он — дрыхнет. Вот его и кинуло на пару миллионов лет назад — обратно по эволюционным ветвям. Вот мы, значит, от кого произошли... Хотя, нет. Шеф — этот уж точно, от тиранозавра, палец в рот не клади.

— Игуаннадий Михалыч, — говорю, — что ж ты наделал? Где ж я теперь сена напасусь?

А он мне в руки тычется, как родной, и даже не пытается куснуть. Я его почесал за ушным отверстием и пошарил в холодильнике — а там все растаяло, творог прокис. Дал ему пару морковок, йогурт "На здоровье" — как за маленьким. Вот так теперь и живем. Если б Михалыч мне объяснил, как пользоваться его приборами, может, я б его

обратно вытащил, в нормальном виде. Но мне кажется, что когда дали свет, его шесть киловатт дали перегрузку по сети. А это ж бытовая проводка, слабая, и там что-то у него сломалось. Бог его знает. Был у меня соблазн его выгодно продать в зоопарк, а потом подумал, и совесть заела: вдруг они на нем станут опыты делать? А Игуаннадий Михалыч — ничего, где попало не гадит, просится, когда надо.

Одна мысль не дает мне покоя: почему Михалыч утверждал, что он точно знает, что это возможно? Может, потому, что уже не в первый раз? Кстати, я недавно прочел, что никому не известно местонахождение могилы Эйнштейна. Это тайна за семью печатями для всех, кроме близких родственников, что его хоронили. Что-то подозрительно...

